

Д. НАГИШКИН

**АМУРСКИЕ
СКАЗКИ**

ДЕТГИЗ • 1946

Н 163

Д. НАГИШКИН

АМУРСКИЕ СКАЗКИ

Рисунки автора

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА 1946 ЛЕНИНГРАД

4189

1957-58 г.

680473

Кх-ред

Российская государственная
детская библиотека

МАЙЛА

Это случилось очень давно. Так давно, что самый старший удэ¹ не запомнит. Ему об этом рассказывал дед. А деду говорил его отец. Очень давно было.

У одного охотника, по имени Килé, умерла жена. Умерла и оставила ему дочку. Звали дочку Майла.

Киле похоронил жену. Погоревал, погоревал и женился второй раз. Взял женщину из рода Пунинкá. И стали они жить втроем: Киле, Пунинка и Майла.

Киле очень хотел иметь сына, но он любил и свою дочку. Он делал ей разные игрушки, какие обычно делают девочкам: колыбельку, чумáшки² разные, мялку с колóтушкой, чтобы Майла привыкала к женской работе. Но девочка просила отца:

— Сделай мне маленькие нарты³ и гиду — копьё!

Пунинка сказала, услышав это:

¹ Удэ — название народа, живущего на Дальнем Востоке по реке Амуру.

² Чумáшка — берестяная коробка.

³ Нарты — легкие санки для езды на оленях и собаках.

— Зачем тебе игрушки мальчика?

Майла ответила:

— Я хочу помогать отцу на охоте вместо сына.

— Вот еще! — сказала Пунинка. — Не твое это дело!

Но Киле желание дочери понравилось. Стал он делать Майле игрушки: маленькие нарты, лучок-самострел, гиду-копье, маленького оленя сделал, ездовых собачек сделал.

Увидела Пунинка, что Киле не послушался ее, и невзлюбила Майлу. Стала обижать девочку, когда отец уходил на охоту. Но Майла не жаловалась на это Киле, потому что не хотела его огорчать.

Прошло несколько лет. И вот с Киле случилось несчастье. Однажды он охотился в тайге. Гнал кабана. И совсем почти загнал. Кабан ушел в чащу и залег.

Мимо шел амба — тигр. Он был голодный. Набросился на загнанного кабана и стал его рвать. А Киле не разглядел, кто копошится в чаще, и метнул туда копье. Гида проткнула кабана и задела амбу. Тигр рассвирепел и бросился на охотника. Киле просил не трогать его, потому что задел он тигра случайно. Но амба разорвал Киле.

Все другие удэгейские охотники ходили на тропу, по которой бродил тигр, молились ему и просили не трогать никого больше. Но амба не слушал молитв. Он повадился ходить к стойбищу¹ и то и дело похищал то собачку, то оленя, то свинью. Стал он воровать и маленьких детей.

После смерти Киле Пунинка совсем возненавидела Майлу. Девочка ходила за водой, мыла крупу для каши, готовила обед, солила рыбу, сушила юколу², мяла шкуры, вышивала мачехе халаты, таскала из тайги хворост. А мачеха сама ничего не делала. Целыми днями она лежала, курила трубку, спала, ела.

Майла делала все, что велела Пунинка, она знала, что старших надо уважать. Ей было очень тяжело. Но Майла не жаловалась. Она говорила себе:

¹ Стойбище — поселение кочевников.

² Юкола — сушеная рыба — кета.

— Вот вырасту, буду охотиться, буду жить одна!

Майла не расставалась со своим копьем, потому что его сделал ей отец. А отца Майла очень любила. И куда бы Майла ни шла, она брала с собой гиду.

Однажды мачеха послала Майлу в тайгу — надрать березовой коры, чтобы сделать новые чумашки.

Майла отыскивала хорошую березу, сделала два надреза и стала драть кору. Вдруг слышит, кто-то спрашивает ее:

— Кто ты такая?

Майла обернулась и увидела амбу-тигра. У него давно была плохая охота: бока его ввалились от голода. Он был очень злой. Но Майла не испугалась тигра. Она ответила:

— Я дочь охотника Киле. А тебе что надо?

Амба облизнулся и сказал:

— Я его съел. И тебя теперь съем!

Но девочка крикнула тигру:

— Уходи, вор!

Тут тигр бросился на Майлу. Тогда девочка спряталась за березу, с которой она драла кору. Тигр изо всей силы ударился головой о дерево и разбил себе лоб.

Майла замахнулась на него копьем:

— Уходи, вор, а то плохо тебе будет!

Тигр зарычал так, что с деревьев посыпались листья, и опять прыгнул. Угодил между двух стволов березы и застрял. Как он ни бился, не мог выбраться из западни — так крепко сжала его береза. Тогда Майла взяла свою гиду и метнула в тигра. Гида вошла тигру в один глаз, вышла в другой и ослепила его. Тигр издох. Пошла Майла в стойбище.

Удэ укладывали вещи во вьюки, разбирали шалаши. Они собирались кочевать в другое место, так как боялись тигра. Майла сказала старикам:

— Куда вы собираетесь? Амба больше не придет сюда!

— Что ты знаешь, девочка? — молвил самый старый удэ. — Куда тигр пришел раз, туда придет и другой раз. Всем нам смерти не миновать.

Тогда Майла пошла в тайгу, на то место, где, зажатый между двумя стволами березы, висел амба. Майла отрубила у тигра полосатый хвост, принесла в стойбище и показала старикам:

— Вот я у амбы хвост отрубила. Говорю, что больше он сюда не придет.

Все удэ очень испугались.

— Что ты наделала, девочка! — закричали они. — Амбу нельзя убивать. Теперь его дух будет ходить по ночам и всех погубит. Тайга придет в наше стойбище. Все тропинки вырастут травой. Болото покроет это место.

Но Майла улыбнулась и сказала:

— Я знаю закон охотников. Я дважды просила амбу уйти. Он не послушался.

— Ну, тогда другое дело. Амба сам виноват! — решили старики. Откочевывать в другое место не стали. Похвалили девочку.

Но Пунинка, мачеха девочки, теперь совсем озлилась на Майлу. Что бы девочка ни сделала, она не могла угодить Пунинке. Вымоет Майла крупу, станет кашу варить — мачеха подойдет, кашу выбросит и заставит опять крупу мыть. Вышьет Майла халат, а мачехе халат не нравится.

— Что ты делаешь, косорукая? — говорит она. — Разве так вышивают? Распори всё и снова сделай, да покрасивее, да поярче, да позатейливее.

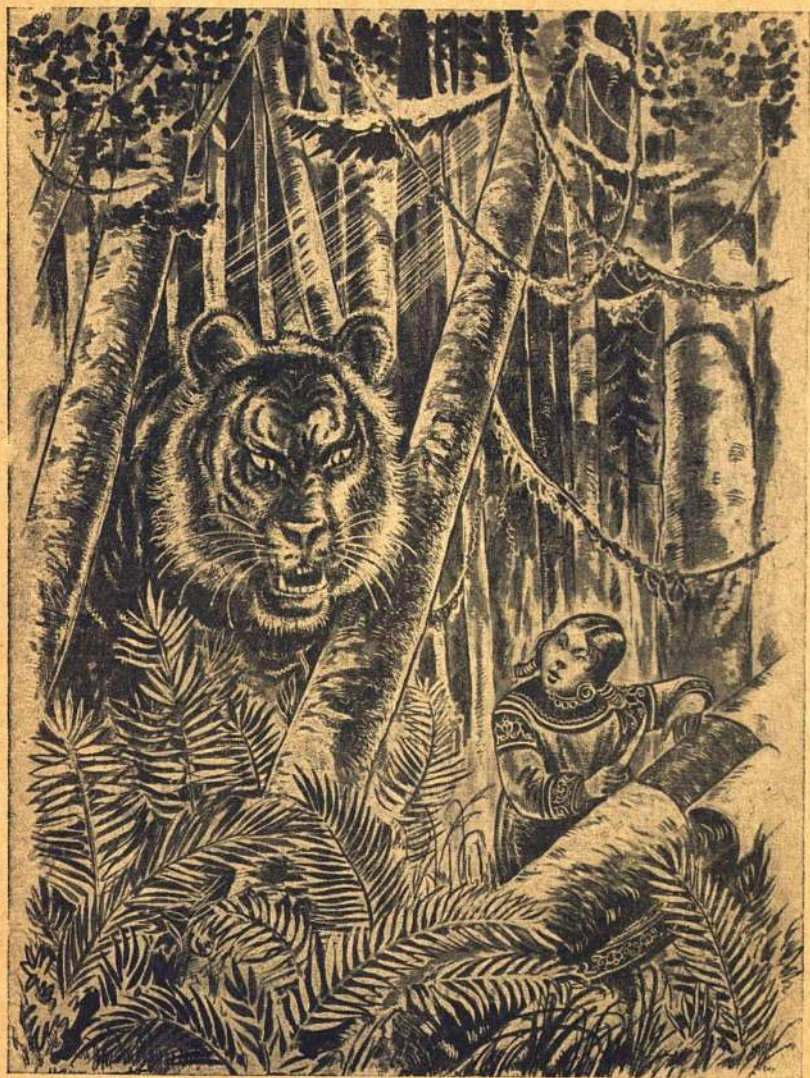
Билась, билась Майла над одним халатом. Все мачехе не нравится. Кричит Пунинка, ругается. Пошла девочка на берег реки, где папоротники росли. Села и заплакала. Вдруг один папоротник наклонил к ней свой завиток и спрашивает:

— Что ты плачешь?

Майла сказала. Тогда папоротник погладил ее по голове своими мохнатыми листьями и говорит:

— Не плачь, маленькая! Этому горю можно помочь. Ты спать ложись. Не думай. Мы тебе поможем!

Стал тут папоротник сзывать на помощь Майле все травы и цветы.

И потянулись к халату всякие травы и цветы. Улеглись на него. Завитками разными закружились. И такой красивый узор сделался, какого еще ни один человек не видал. Собрал папоротник все слезы девочки. Окропил ими халат. И весь узор на халате остался.

В том стойбище было много хороших мастериц-вышивальщиц. Увидели они, какой халат вышила Майла, — от зависти и удивления рты разинули, да и закрыть не могли, пока старики не закрыли им. Не было еще такого халата ни у кого.

Но Пунинка еще больше озлилась на девочку.

— Хочу халат, шитый оленьей шерстью! — сказала она.

Это было летом. У оленей в это время шерсть короткая. Откуда взять длинную шерсть? Походила Майла по стойбищу, попросила. Но никто не мог ей помочь.

Пришла Майла домой и опять заплакала. Стала перебирать свои игрушки, отца вспомнила и еще пуще залилась слезами. Вдруг игрушечный олень, которого Майле отец сделал, говорит девочке:

— Не плачь, хозяйка! Этому горю можно помочь.

Встряхнулся олень, ножками маленькими топнул, стал расти, расти, вырос большой, оброс густой белой зимней шерстью. Потом сбросил ее с себя. И опять маленьким стал.

Сделала Майла халат мачехе. Все руки исколола. И опять мачехе халат не понравился.

— Не ты это делаешь! — сказала она. — Кто-то тебе помогает. Вот вышью я сама себе халат, тогда увидишь, как надо работать. Сбегай в стойбище на реке Анюй. Там моя бабушка живет, попроси у нее мою иголку. Да к утру вернись!

А до стойбища на реке Анюй далеко, несколько дней надо добираться.

Что делать Майле?

Села она около игрушек и еще сильнее загрустила. Вдруг слышит голос:

— Не печалься, маленькая хозяйка! Мы-то на что?

Оглянулась Майла. А перед ней целая упряжка стоит! Двенадцать собачек, одна другой красивее. Пушистыми хвостиками виляют. Тонкими ножками постукивают. Шерстка белая, глаза желтые, носики черные. Удивилась Майла.

— Откуда вы? — говорит собачкам.

А те в ответ:

— Разве не узнаешь нас, Майла? Киле сделал нас.

Посмотрела Майла. А вместо игрушечных собачек — живые, настоящие. Ожили они и перед ней стоят. Запрягла их Майла и села на нарты. И помчались собачки. Лес не лес, река не река — летят напрямик. Девочка глаза закрыла. А собачки до облаков поднялись. Открыла Майла глаза. Кругом светло. Облака, будто пушистый снег, вокруг лежат. Взяла Майла остол¹. Стала править.

— Тах-тах! — кричит. — Поть-поть-поть!

Только клочья облаков летят из-под ног собачек. Не успела Майла устать и замерзнуть, как уже стойбище Анюйское видно.

Слезла Майла. Бабушку Пунинки разыскала. Лежит старуха больная, нечесаная, неумытая. Пожалела Майла старого человека. Умыла, причесала, корешок жень-шеня отыскала и больной дала. Съела старуха корешок. Стала здоровой, говорит:

— Ты зачем ко мне?

— Пунинка меня за своей иголкой послала.

Посмотрела бабушка на девочку, достала иглу и говорит:

— Ты хорошая девочка. Ты мне добро сделала! Вот тебе иголка. Только смотри: будешь отдавать иголку — ушком к себе держи...

...Солнце только-только из моря вылезло, а Майла на своих собачках уже домой вернулась.

Мачеха сидит злая-презлая.

— Ну, — говорит, — где иголка моя?

¹ Остол — длинная палка, с помощью которой управляют нартами.

— Вот она, — ответила Майла. — Вот иголка!

Стала она иголку Пунинке отдавать. Вспомнила совет бабушки. Повернула иглу ушком к себе, острием к мачехе. А иголка оказалась непростая.

Только Пунинка коснулась иглы, как иголка прошла ей насквозь все пальцы. Как ни билась Пунинка, не могла палец от пальца отделить.

— Ну, перехитрила ты меня, девчонка!

Тут поняла она, кто Майле помогает. Дождалась, когда девочка уснула. Развела огонь в очаге и побросала туда все игрушки, что Майле отец сделал. Оленя бросила, нарты бросила, собачек побросала. Стали они гореть. Только одна собачка выскочила из огня. Бросилась собачка к Майле. Толкнула носом. Разбудила девочку:

— Беда, Майла! Мачеха всех нас хочет убить! Бежим!

— Куда бежать? — говорит Майла.

— Туда, где мачехи нет! — отвечает собачка.

Выскочила Майла из фанзы¹. Собачка за ней.

Мачеха увидела. Погналась за девочкой.

В это время луна взошла. Лунная дорожка протянулась по реке. Побежали Майла и собачка по этой дороге, словно по льду. Пунинка за ними. Только под ней дорожка подломилась, и упала мачеха. Схватила Пунинка маленькую гидукопье Майлы; позабыла, что это копые тоже Киле сделал. Метнула она копые вдогонку Майле. Долетела гίδα до дочки Киле, сказала:

— Ну, прощай, девочка! Теперь мы расстанемся.

Повернула гίδα обратно. Долетела до мачехи. Вошла ей в один глаз, вышла в другой. Стали у Пунинки глаза большие, как плоски. Замахала Пунинка руками, а они у нее крыльями стали. На ногах когти длинные выросли. Стала мачеха совой пучеглазой. Хотела домой возвратиться, да крылья понесли ее в тайгу. Села там мачеха на дерево и закричала, чтобы не забыть свое имя:

¹ Фанза — глинобитная хижина.

— Пу-нин-ка! Пу-нин-ка!

Так сова и до сих пор кричит.

А Майла с собачкой бежали, бежали по лунной дорожке и добежали до луны. Хотела девочка вернуться назад. Тут светать стало. Дорожка исчезла. И девочка с собачкой остались на луне. Их и до сих пор можно разглядеть там.

Под утро Майла сходит на землю, ищет свою гиду. Она заходит во все жилища, осматривает всё. Освещает оружие: нет ли там гиды охотника Киле. И если заметит, что кто-нибудь из ребят спит со слезами на глазах, Майла вытирает слезы и дарит хороший сон.

Но когда сова в тайге закричит свое: «Пу-нин-ка! Пу-нин-ка!» — тогда Майла быстро мчится обратно.

Ее можно увидеть, если ночью сразу раскрыть глаза, когда лунный свет коснется их.

ГЛУПЫЙ БОГАЧ

Жили на Амуре два человека. Одного звали Актанка, второго — Ли-Фу.

Актанка ловил рыбу, бил пушного зверя, птицу, но жил очень бедно. А Ли-Фу торговал мукой, крупой и всякими товарами. В обмен на свои товары он забирал у Актанки всю добычу.

Ли-Фу был очень хитрый, жадный и нечестный человек. Была у него толстая книга. В эту толстую книгу он записывал то, что давал Актанке, и то, что брал у него. Но записывал он неправильно. А Актанка был неграмотный и сам не мог сосчитать, сколько он должен Ли-Фу.

Чем удачливее охотился Актанка, тем дороже становились товары у Ли-Фу. Совсем стал Актанка плохо жить. Никак не может долг уплатить.

Ли-Фу приходит в фанзу Актанки и кричит:

— Ты мало работаешь! Иди на охоту, не лежи!..

Когда у Актанки случился плохой улов, Ли-Фу отобрал сетки за долги. Совсем поглупел богач от жадности.

Подумал, подумал Актанка, наделал силков из жил сохатого¹, самострел насторожил на тропинке, по которой кабан на водопой ходил. Кабан пошел воду пить, и самострел убил его. Опять Актанка с добычей оказался.

Стал Актанка мясо варить. Ли-Фу услышал, что мясом пахнет, прибежал. Кричит, ногами топает, в свою толстую книгу пальцем тычет:

— Отдавай долг!

Актанка отдал мясо. А Ли-Фу все мало. И самострел забрал и силки.

Жена Актанки, Аинка, говорит:

— Что мы будем делать, господин Ли-Фу? Без снасти нельзя будет мясо добыть, шкуру добыть.

Но Ли-Фу не стал ее слушать. Сгрел все в охапку и ушел. Аинка стала плакать. Актанка говорит ей:

— Ничего, жена! Как-нибудь проживем.

Подумал, подумал. Долго думал. Потом из ветки тисса сделал маленький лучок и пошел на охоту. Глаз у Актанки острый, рука твердая. Как спустит стрелу, так и убьет птицу. Много набил дичи. Принес домой. Стала Аинка жарить птицу. Услыхал жадный Ли-Фу, что жареным пахнет, и опять прибежал:

— Отдавай долг!

Актанка не мог отдать долг. Ли-Фу забрал у него лучок и птицу. Аинка опять заплакала:

— Ой, ой! Как мы жить будем?!

Актанка говорит ей:

— Не плачь, жена! Давай лучше думать.

Вот стал Актанка думать. Всю ночь думал. Чуть весь табак не искурил, пока думал. Утром говорит жене:

— Пойди приготовь смолу.

Пошла Аинка в лес. Набрала смолы с пихты, с елки. Много набрала. Растопила, смешала. Взял Актанка чумашку со смолой, пошел на утес, где росла высокая ель.

¹ Сохатый — лось.

Залез он на это дерево; на самую вершину. Вокруг посмотрел. Видит: летят птицы. Стал Актанка с дерева спускаться, стал смолой ветки и ствол мазать. Спускается и мажет. Все дерево вымазал. Пошел домой спать. Утром жену разбудил:

— Эй, жена! Иди добычу собирать.

Пошла жена к тому дереву. Видит: все дерево покрыто птицами. Ночью на дерево отдыхать сели и прилипли так, что не могли оторваться. Собрала жена Актанки дичь, понесла домой. Стала обед готовить.

Ли-Фу спал. Но и во сне он услышал запах мяса из фанзы Актанки. Вскочил, побежал. От жадности трясется весь, руки дрожат, коса по спине прыгает, туфли с ног сваливаются, халат выше колен задирается. Прибежал, опять в книгу пальцем тычет:

— Отдавай долг!

Актанка говорит:

— Не могу, господин богатый.

— Тогда снасть отдавай!

Актанка говорит:

— А снасти у меня нету. Ты у меня всю забрал!

Ли-Фу в котел руку запустил, тетерку вынул. Как увидал — глаза вытаращил, весь покраснел, кричит не своим голосом:

— А как ты тетерку поймал? Разве сама она тебе в котел прилетела?

— Без снасти поймал, — отвечает Актанка. — Надо только дерево смолой намазать. Птицы садут отдыхать и прилипнут...

Ли-Фу обрадовался. «Вот, — думает, — хорошо! Я теперь всех гусей, всех уток переловлю. Хорошая торговля пойдет. А Актанке теперь ни крупы, ни муки, ни сала не дам!»

Побежал богач домой. Велел жене смолу приготовить.

Целую бочку смолы приготовили торговец с женой. Еле-еле до горы дотащили.

Ли-Фу полез на дерево. Лезет и мажет. Лезет и мажет. Пока до вершины добрался, все дерево обмазал. Густо-густо обмазал, чтобы больше птиц прилипло. Жена кричит ему снизу:

— Эй, Ли-Фу! Слезай скорее, а то всех птиц перепугаешь. Видишь, целый косяк гусей летит! Да жирные, тяжелые, сало с них в реку капает.

Стал богач слезать. А дерево липкое. Чем ниже, тем смола крепче. Прилип Ли-Фу. И руки, и ноги прилипли, и туловище его прилипло, и расшитый халат прилип. Жена торопит его:

— Скорей, Ли-Фу! Уж близко гуси.

А Ли-Фу не может двинуться ни вверх, ни вниз. Говорит жене:

— Не могу слезть. Давай, руби дерево! Птицы и на поваленное дерево сядут.

Схватила жена богача топор. Стала дерево рубить что есть силы — только щепки в разные стороны летят. А Ли-Фу кричит:

— Скорей, скорей! А то гуси пролетят мимо.

Подрубила жена дерево. Упало оно вниз, ударилось о землю. Убился Ли-Фу. Отскочил от дерева сучок, ударил жену богача. Упала она в бочку со смолой, стала барахтаться. Бочка опрокинулась, покатила в реку и утонула вместе с женой глупого и жадного Ли-Фу.

А Актанка забрал в фанзе Ли-Фу все свои снасти: и лучок, и самострел, и силки. И припасы забрал. Стал жить — охотился, рыбу ловил.

И никто у него не отбирал добычу.

КАК МЕДВЕДЬ И БУРУНДУК ДРУЖИТЬ ПЕРЕСТАЛИ

Когда Хинганский хребет еще маленькой сопкой был, когда можно было выстрелить из лука и услышать, как стрела упадет по другую сторону Хингана¹, вот тогда медведь и бурундук дружили.

Жили они вместе в одной берлоге. Вместе на охоту ходили. Делили все пополам. Что медведь добудет, то бурундук ест. Что бурундук добудет, то и медведь ест. Так дружили они очень долго.

Однажды бурундук вышел из берлоги: орехов пощелкать.

Повстречалась ему лиса. Рыжим хвостом завертела, поздоровалась, спрашивает:

— Как поживаешь?

Рассказал бурундук все без утайки.

Выслушала его лиса. Завидно ей стало, что два зверя

¹ Хинган — горная гряда на Дальнем Востоке.

дружно живут, не ссорятся. А сама она ни с кем не дружила, потому что всегда хитрила да на чужой счет любила пожить.

Притворилась лиса, что жалеет бурундука, и говорит ему:

— Бедный ты, бедный! Жалко мне тебя!

Испугался бурундук:

— Почему же ты меня жалеешь, сестра?

— Глупый ты! — отвечает лиса. — Медведь тебя обижает, а ты и не догадываешься об этом!

— Как так? — спрашивает бурундук.

— Очень просто! Когда добычу медведь добывает, кто первый зубами ее касается?

— Брат-медведь, — отвечает бурундук.

— Вот видишь: самый сладкий кусок ему и достается. Ты уж, поди, давно хорошего куска не видал!

Завиляла лиса хвостом, покачала головой, будто жалеет бурундука.

— Ну, прощай! — говорит она напоследок. — Вижу, тебе нравится, что лучший кусок у тебя из-под носа вырывают. Я, конечно, не советую ничего. Но на твоём месте я бы поступила иначе: сама бы первая зубы в добычу запускала.

И побежала лиса, будто по делу заторопилась. Бежит, хвостом следы замечает.

Посмотрел бурундук ей вслед, задумался: «А ведь сестра-лиса, пожалуй, правильно рассудила».

Так бурундук задумался, что и про орехи забыл. «Вот, — думает, — медведь-то какой обманщик оказался! А я ему верил, за старшего брата считал, уважал!»

Вот пошли медведь и бурундук на охоту. Зашли на малинник. Сгреб медведь в лапы куст малины, присосался сам, бурундука приглашает. А тот смотрит: лиса-то правду говорила!

Поймал медведь еврашку¹. Приглашает бурундука.

¹ Еврашка — суслик.

680473

Российская государственная
детская библиотека

А тот глядит: медведь-то первым в еврашку когти вонзил — выходит, правду лиса говорила.

Пошли друзья мимо пчелиного дубка. Медведь дубок своротил. Лапой придержал. Нос всунул в улей, ноздри раздул. Приглашает брата. А бурундук смотрит: опять медведь первый пробует — значит, опять лиса права!

Рассердился бурундук. «Ну, — думает, — проучу я обманщика!»

Пошли они на охоту в другой раз. Сел бурундук на загривок медведю: ему на маленьких лапках за другом не поспеть.

Учуял медведь добычу. Косулю словил. Только он хотел схватить ее зубами, тут бурундук между ушей у медведя прыгнул, чтобы прежде брата зубы в добычу вонзить.

Медведь испугался, выпустил косулю, и она ушла. Остались оба брата голодными.

«Пошли дальше. Увидел медведь еврашку. Подкрался, только хотел словить — бурундук тут как тут. Опять перепугал медведя до полусмерти. Опять добыча пропала. Рассердился медведь, а брату ничего не говорит, за глупого считает: кто же из зверей сам себе охоту портит?

Повстречались они с молодым кабаном. В другое время медведь и задирать не стал бы кабана. А тут у него от голода живот к спине прилип. Озлился медведь! Пошел на кабана, заревел так, что тот попятился от медведя. Пятился, пятился; уткнулся хвостом в дерево — дальше некуда. Тут на него медведь и напал. Пасть раскрыл, зубами щелкает.

Только приступил он к кабану, а бурундук опять с загривка между ушей медведя на кабана — прыг! Хочет первым вкус мяса попробовать. Тут медведь совсем разозлился. Как хватит кабана лапой по голове, так и натянул ему всю шкуру на рыло. Как хватит бурундука другой лапой, так все пять когтей и вонзил в спину, чтоб под лапу не попадался, не мешал!

Рванулся бурундук — всю шкуру себе от головы до кончика хвоста распорол когтями. Взыл от боли. Прыгнул на дерево, да на другое, да на третье. Как пошел от боли в ветки на ветку перепрыгивать, только его медведь и видел. Позвал медведь брата, когда кабана заломал:

— Эй, брат! Иди свеженину¹ кушать!

Нет бурундука, будто и не было никогда.

Пошел медведь домой.

А бурундук так и убежал. На деревьях долго жил, пока раны на спине не зажили. Только пять черных полос от когтей медведя так и остались у бурундука.

Теперь бурундук к медведю и не подходит и мяса не ест. А случится ему поблизости оказаться, он со злости в медведя шишками кедровыми кидается. А как только медведь голову поднимет, бурундук убегает прочь.

¹ Свеженина — свежее мясо.

МАЛЬЧИК ЧОКЧО

У нанайца Бельды был сынок Чокчó. Совсем маленький. Едва ходить умел.

Всю зиму Бельды охотился. Много пушнины¹ накопил. И соболь у него был, и горноста́й, и белка, и лисица, и медведь, и куница, и волк. Смотрит Бельды на меха и радуется:

— Вот поеду в Сань-Син², меха продам, еды, припасов привезу на целый год. Сетку новую куплю, ружье, патроны, порох, платье, игрушки.

Летом, и верно, собрался Бельды в Сань-Син ехать.

— Отец, возьми меня с собой в город, — попросился Чокчо.

Но Бельды не хотел брать сына с собой. В те давние времена дорога была опасна. В пути встречались разбойники. Бельды сказал:

¹ Пушнина — меха.

² Сань-Син — китайский город. В давние времена нанайцы ездили туда торговать.

— Что ты, сын, как это можно, чтобы дома мужчин не осталось? Кто же будет мать и сестренку защищать? Надо тебе остаться.

Уехал отец.

Много времени прошло. Чокчо учился ножом владеть. Сидит, стругает. Ложку сделал, лодку маленькую сделал. Оленя вырезал из дерева, медведя. Много сделал разных вещей... А отца все нет. Листья на деревьях пожелтели. Трава желтая стала. А Бельды не едет домой.

Потом из соседнего стойбища приехали люди.

Мать Чокчо угостила гостей юколой.

Сидели, сидели они, курили, курили, юколу ели, ели, потом говорят:

— Мы вместе с Бельды в Сань-Син ездили. Торговали. Обратно вернулись...

— А где отец? — спрашивает Чокчо.

Люди очень смутились.

— Твой отец, — говорят, — торговал с одним человеком по имени Лян. Тот у отца всю пушнину купил. Пошел Бельды к этому купцу, чтобы рассчитаться, и не вернулся. Не купец Лян, а разбойник. Всю пушнину у Бельды взял и его самого убил.

Чокчо спрашивает:

— А почему вы за отца моего не заступились?

Гости говорят:

— У того человека большая шайка. А нас мало. Не могли мы заступить за твоего отца. Побоялись. Люди Ляна могли нас догнать, всех перебить и товары отнять.

— Плохо вы сделали! — сказал Чокчо.

Гости обиделись, сели в лодку и уехали.

Мать Чокчо стала плакать, сестренки тоже. Плакали они до того, что у них глаза опухли.

— Что теперь будет с нами? — спрашивали они друг друга.

Но делать нечего — слезами Бельды не вернешь! А жить надо. Поплакали, поплакали они и за дело взялись. Стар-

шая сестра пошла в лес — охотиться. Младшая в оморочку¹ села, по Амуру поехала — рыбу ловить. Мать дома осталась — шкурки мяла, обед варила.

А Чокчо сказал матери:

— Сшей мне унты², испеки лепешку. Пойду Ляна искать. Найду, отомщу за отца и товар верну.

Мать удивилась:

— Что ты, Чокчо? Куда ты пойдешь? Ты маленький!

Но Чокчо был упрямый мальчик.

— Отец сказал, что я мужчина. А мужчины должны защищать род, должны мстить врагу! — молвил он.

Видит мать — Чокчо на своем стоит, не уговорить его.

Испекла лепешку. Сшила унты. Взял Чокчо свой нож, охотничью повязку на голову надел, юколы в мешок положил, простился с сестрами, с матерью и пошел.

Шел, шел Чокчо — видит: на пути большой лес. Деревья высокие-высокие. Сосны, дубы шумят, вершинами качают. Конца-края лесу нет. Не побоялся Чокчо. Идет по лесу, лепешку жует, ножом играет, песню поет. Вдруг слышит голос:

— Куда идешь, маленький нанаец?

Оглянулся Чокчо. Никого вокруг нет. А голос опять окликает его. Отвечает Чокчо:

— Иду за отца мстить!

— Помоги мне, и я тебе помогу! Другом буду, — говорит тот же голос.

Видит Чокчо: лежит на камне жолудь. Падал с дерева на землю, а упал на камень. Лежит и высыхает.

— Возьми меня с собой! — говорит жолудь. — Пригожусь!

Взял Чокчо жолудь. Пошел дальше. К реке вышел. Видит — на мели щука лежит. Рот открыла, глаза вылупила,

¹ Оморочка — долбленная из тополя или сделанная из березовой коры лодочка на одного-двух человек.

² Унты — обувь из кожи лося.

задыхается. Спросила щука, куда Чокчо идет. Мальчик ответил. А щука говорит ему:

— Помоги ты мне, и я тебе помогу! Другом буду.

Пустил Чокчо щуку в воду. Напилась щука воды, надышалась. Глаза на место стали. Чешуя у нее заблестела. Попросила щука Чокчо взять ее с собой.

— Пригожусь, — говорит.

Положил мальчик щуку в мешок. Дальше пошел. Повстречал покинутую избушку. Остановился отдохнуть. Снял унты, ноги повыше положил. Лепешку откусил. Вдруг слышит скрипучий-скрипучий голос:

— Куда ты идешь, мужчина?

— За отца мстить! — говорит Чокчо. — А ты кто? Где?

— А я около тебя лежу.

Увидел тут Чокчо, что у самого очага, в золе, лежит вертел, на котором мясо жарят. Кто-то бросил его в огонь. Погнулся вертел, чуть не сгорел, окалиной покрылся. И ему Чокчо помог, окалину песком отчистил. Направил его. Со всем вертел как новый стал.

— Спасибо, Чокчо! Ты мне помог, и я тебе помогу. Возьми меня с собой, — говорит мальчику вертел.

Взял Чокчо вертел и пошел дальше. Мимо покинутой рыбалки проходил, опять голос какой-то услышал. Спрашивают его, куда идет. Ответил Чокчо. И разглядел, что говорят с ним мялка да колотушка, которыми рыблю шкурку выделывают. Кто-то в мялку гвоздь вбил, а у колотушки черенок сломал. Вытащил Чокчо из мялки гвоздь, а колотушке новый черенок выстрогал.

— Вот спасибо тебе, Чокчо! Ты нам помог, и мы тебе поможем. Возьми нас с собой, — говорят ему опять.

Взял Чокчо мялку с колотушкой и пошел своей дорогой. Вдруг видит — в траве лыжа валяется. «Вот, — думает Чокчо, — хорошая лыжа. Жалко только, что одна». А в это время и другую увидел. Далеко лежит вторая. Не поленился мальчик, принес вторую лыжу. Сложил вместе. А лыжи ему говорят человеческим голосом:

— Ты нам помог, и мы тебе поможем. Куда ты идешь, маленький нанаец?

— За отца мстить! — говорит Чокчо. — Да только не знаю, дойду ли... Путь далекий, а сил у меня мало.

Тут лыжи опять говорят:

— Не грусти. Становись, покатым тебя — скорее дело пойдет!

Рассмеялся Чокчо:

— Кто же осенью на лыжах ходит?

Однако на лыжи Чокчо все-таки стал. Тут выросли у лыж крылья. Поднялись они на воздух и полетели. Быстро-быстро. Чуть повязка с головы Чокчо не слетела. Шука в мешке завозилась, выглянула, под собой море увидела и говорит:

— Ну, молодец, Чокчо! Пожалуй, мы до Ляна скоро доберемся.

А лыжи летят. Только ветер свистит в ушах. Мелькают внизу реки, леса, стойбища. У Чокчо дыхание захватывает.

Примчали лыжи в Сань-Син.

Посмотрел Чокчо и испугался.

Стойбище большое-большое. Фанз много. Никогда мальчик не думал, что столько фанз в одном месте может быть. Рядами стоят. Одна на другую поставлены. И народу множество. Шум стоит, как в бурю. Толкаются люди, кричат. Продают, покупают, меняют. Людей много, а знакомых нет. Стал Чокчо спрашивать, как ему Ляна найти. Смеются прохожие над мальчиком, не понимают его языка. Кто ударит его, кто на него крикнет. Наконец один старик показал ему, где живет Лян. Пошел в ту сторону маленький нанаец.

Увидел — стоит красивая фанза. У крыши концы кверху загнуты. На концах серебряные колокольчики висят, звенят. В окнах прозрачная рисовая бумага вставлена. Вокруг деревья разные растут — вишни, яблони. Золотые птички на ветках сидят. Музыка играет повсюду. Ручьи меж деревьев струятся, журчат, о чем-то потихоньку разговаривают.

Вошел Чокчо в дом, кричит:

— Эй, Лян! Выходи на бой! — И палку приготовил, чтобы с Ляном драться.

Но Ляна не было дома. И никто не отозвался на вызов мальчика.

Вошел тогда Чокчо в комнату Ляна. В золу очага сунул жолудь, чтобы тот на мягком полежал. Шуку пустил в умывальный таз. Вертел около печи поставил. Мялку с колотушкой оставил у двери. Сам сел на стул. И заснул от усталости.

Вечером вернулся домой Лян, веселый, пьяный. Захотел он развести в очаге огонь, нагнулся над ним, стал угли раздувать. Тут жолудь подскочил и изо всей силы ударил его в глаз. Взвыл от боли Лян, кинулся к тазу с водой, чтобы промыть глаза. Тут шука из таза высунулась и цапнула его за нос. Отскочил Лян от таза. А тут вертел ему в спину воткнулся. Перепугался Лян. Кинулся к двери, чтобы убежать. Тут набросились на него колотушка с мялкой. Принялись они колотить, мять, обжимать Ляна так, что он и света не взвидел. И до тех пор колотушка с мялкой работали, пока из Ляна тонкую шкуру не сделали.

Проснулся Чокчо, спрашивает:

— Не пришел Лян?

А друзья ему в ответ:

— Пришел на свою голову! Смотри, какой он теперь стал.

Посмотрел Чокчо. Видит — лежит белая мягкая шкура, совсем на ровдугу¹ похожая. Сказал спасибо Чокчо своим друзьям; только пожалел, что не сам он с Ляном расправился.

Положил Чокчо в шкуру Ляна всю пушнину, охотничий припас, продовольствие, товары, что были в доме Ляна. Связал. Собрал своих друзей: жолудь, шуку, вертел и мялку с колотушкой. Стал на лыжи.

Поднялись лыжи опять, пролетели, как стрела, под

¹ Ровдуга — выделанная шкура лося.

самым носом у слуг Ляна, которые бежали ему на помощь.

Долетели лыжи до того места, где их Чокчо нашел. Оставил их Чокчо.

— Спасибо за помощь! Чужого мне не надо.

Колотушку и мялку у покинутой рыбалки оставил: пригодятся хозяину, когда вернется. Вертел положил у костра на старое место. Шуку в самую глубину реки пустил. Жолудь на мягкую землю положил, чтобы тот пророс и новое дерево выросло из него.

И пошел своей дорогой.

Домой вернулся богатым. Как развернул шкуру Ляна, все удивились — так много влезло в шкуру разбойника.

Сестры очень радовались возвращению Чокчо. Мать от радости плакала.

А Чокчо сказал сестрам как мужчина и охотник:

— Мои унты совсем износились. Сшейте мне новые. Завтра я пойду в тайгу.

Сестры сшили ему унты из шкуры Ляна.

Унты носились очень долго, потому что нет на свете кожи крепче кожи обманщика и грабителя, которого не проймет жалость и не трогают несчастья и слезы обиженных им.

ЛИСА И МЕДВЕДЬ

Жила в тайге лиса. Очень ловкая да хитрая была. Жила лиса припеваючи. Ловила фазанов, перепелок, куличков, уток. Охотилась на птиц, поедала и птенчиков, если на ее жадный глаз попадались. А больше всего она любила яйца. Сколько она гнезд разорила, даже кукушка сосчитать не могла, сколько ни куковала. И так лиса разбойничала, что в той местности стала дичь переводиться.

Но состарилась лиса. Видеть стала плохо. Силы у нее поубавилось. Вот однажды пошла она охотиться. Видит — идет по дороге петушок-фазан. Лиса подкралась к нему, из-за кустарника выскочила — хватъ фазана! А фазан забился, крыльями захлопал, шпорами лисе нос разодрал и убежал. Не могла с ним лиса справиться. Фазан на куст взлетел и давай над лисой смеяться:

— Эх ты! — говорит. — Не охотиться тебе, а шкурой быть. Ни на что другое ты не годна.

Заплакала лиса. Побрела в свою нору...

И совсем у нее неудачная охота пошла. Целый день

бродит, а поймать ничего не может. Попробовала лиса брусничкой кормиться и совсем заскучала: еды много, а сытости нет.

В эту осень перелетные птицы рано на юг собрались. Потянулись косяки уток, да гусей, да журавлей. Летят, покрикивают, с сопками, с тайгой да с таежными озерами прощаются.

Услыхала эти крики лиса и совсем помирать собралась: снег выпадает рано, а у лисы никаких запасов на зиму нет.

Пошла лиса куда глаза глядят.

— Поищу, — говорит, — глупее себя. Авось прокормлюсь!

Повстречалась она с медведем, спрашивает:

— Ты куда, брат-медведь, идешь?

— Да вот, — отвечает медведь, — ищу, не скажет ли мне кто-нибудь, о чем журавли по ночам кричат.

Призадумалась лиса. Потом говорит:

— Надо пошаманить¹ немного, тогда узнаем.

Лыковый пояс лиса надела, щепочки к нему привязала да камешки. Пошла плясать: хвостом метет, вместо бубна в собачий череп бьет. Развесил уши медведь, на лису смотрит, лапами прихлопывает, лисе помогает.

Покружилась, покружилась лиса, потом говорит:

— Ну, брат-медведь, узнала, о чем журавли кричат!

— О чем же?

— А кричат они о том, что все звери должны друг другу помогать: зима будет ранняя да холодная. От нее, кричат, и берлога не спасет.

Испугался медведь.

— Как же быть теперь? — говорит.

Лиса отвечает:

— Вместе жить надо. Вдвоем теплее. А сейчас надо, — говорит, — запасы на зиму натаскать в берлогу.

Призадумался медведь. Зачем ему запасы, коли ему на

¹ Шаманить — колдовать.

всю зиму одной лапой своей хватает? Но лиса на него рассердилась, кричит:

— Кто хотел узнать, о чем журавли кричат? Ты. А узнал — делай, как говорят. Если не хочешь, я другого товарища найду. А ты один пропадай!

Упросил медведь обманщицу не сердиться.

Уговорились вместе жить. Стали еду припасать: охотиться пошли. Но только плохая у них охота выходит. У лисы силы нет, а медведя на спячку потянуло. На дичь смотрит, а сам о берлоге думает. Какая тут охота!

Видит лиса — не удастся ей на чужой глупости прожить. Разозлилась она. Но виду не показывает. А сама думает, как ей медведя обмануть.

Ходят они, ходят по тайге, а удачи нет.

Вдруг потянул носом медведь, шерсть на загривке взевошил, ноздри раздул, глаза вытаращил, нюхает.

— Не нашим, сестра-лиса, пахнет!

Принялся он шарить вокруг и что-то поднял. Посмотрела лиса, а у медведя в лапах охотничий нож. Видно, охотился кто-то да обронил. Запела лиса тоненьким голосом, заплясала, будто от радости. Спросил ее медведь, чего она радуется. Та отвечает ему:

— Как же не радоваться? Ведь теперь мы можем зимовать спокойно. Эта штука заколдованная. Она одна может столько мяса принести, сколько даже самый сильный медведь не сможет за всю охоту добыть.

Обрадовался медведь, что теперь не надо будет ходить по тайге, что можно будет в берлоге залечь.

— Идем, — говорит, — сестра-лиса, домой поскорее!

— Идем, идем!

Побежала лиса вперед. Домчалась до косогора, по которому тропинка шла. Воткнула она посередине тропинки нож, острием вверх, и назад вернулась.

— Что ж ты так медленно идешь? Надо бегом.

Добежали они до косогора. Говорит лиса медведю:

— Давай скатимся с горы. Кто скорее!

Медведь согласился. И покатились они кувырком. Катится лиса и поет:

— Катись, катись, мяса кусок!

Спрашивает медведь:

— Что ты говоришь, сестра-лиса?

— Да вот, говорю, что мяса на четверть зимы есть.

Катятся они дальше. Опять лиса свое тянет. Спросил ее медведь, о чем лиса поет. Та опять:

— Да вот, говорю, что на ползимы мяса есть.

Наткнулся медведь на нож, вкопанный лисой на косогоре, распорол себе брюхо. А лиса поет:

— Лежи, лежи, мяса кусок!

— Что ты поешь, сестра-лиса? — спрашивает медведь.

— Да вот, говорю, мяса на целую зиму есть.

Издых медведь. А хитрая лиса освежевала тушу, на куски порезала, в берлогу мясо стаскала. Стала жить хорошо: мяса вдоволь, берлога теплая. И всю зиму перезимовала сытая.

Вот как лиса обманула медведя.

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

На берегу реки стояла маленькая сопка¹. А у самого подножья ее жили удэ. В этом стойбище было очень много детей. Они любили драться на палках, бегать взапуски, тянуться на поясах, маленькой острой битью кету. Все удэ очень любили своих детей.

И у шамана Чумбоки был сын по имени Акимка. Шаман был богатый. Жил он обманом. Он говорил, что очень много знает, что может любого человека вылечить и любого человека заколдовать. Заболеет кто-нибудь в стойбище, шаман идет туда. Посмотрит на больного и говорит:

— В него чорт залез! Надо его прогнать.

Бубен натянет, начнет в него бить; кружится, кружится, непонятные слова говорит, будто с чертями разговаривает и просит их не трогать больного или угрожает им.

Если больной выздоровеет, шаман говорит:

— Вот, прогнал я злых духов. Сильный я!

¹ Сопка — название горы, холма на Дальнем Востоке.

А если больной умрет, шаман говорит:

— Плохо платили, мало верили мне. Вот злые духи и утащили больного к себе.

Люди боялись шамана, платили ему. Стал он очень богатый. Загордился. Ходит толстый, жирный до того, что у него халат насквозь просалился. Нос кверху задирает, сам про себя думает, что он лучше всех остальных людей.

Сын его Акимка был такой же, как и все дети. Обидно шаману стало, что сын его на всех детей похож. Решил он отличить своего сына от всех остальных. Пошел Чумбока к кузнецу. Принес ему золото.

— Слушай, кузнец, сделай мне кольцо!

Спрашивает кузнец:

— Зачем тебе кольцо?

— На шею сыну одену, — говорит шаман. — Пускай все видят, что у него богатый и сильный отец.

Говорит кузнец:

— Нехорошо, Чумбока, отделять сына от других детей.

Шаман рассердился.

— Глупый ты, — говорит, — а мне советы даешь...

Кузнец обиделся:

— Я не глупый.

Тут шаман загадал кузнецу загадку:

— Ну, если ты не глупый, отгадай: белые люди рубят, красный человек возит. Что это такое?

Думал, думал кузнец — не мог отгадать. Стал Чумбока над ним издеваться:

— Это значит: зубы и язык. А ты не мог отгадать!

Кузнец замолчал. Кольцо сделал и шаману отдал. Пошел Чумбока домой. Кольцо сыну на шею надел и не велел с другими ребятами водиться.

Ходит Акимка по стойбищу. Кольцо на его шее блестит. А Чумбока радуется: все теперь видят, какой важный отец у Акимки.

А время идет. Акимка растет, ничего не делает, от ребячьих игр отвык, растолстел.

Стало Акимке кольцо тесно: жмет шею. Жалуется Акимка:

— Отец, сними кольцо!

Хотел Чумбока снять кольцо и не может: вырос сын. Пыхтит Акимка, задыхается. Мать говорит отцу:

— Разруби кольцо, Чумбока!

Чумбока даже испугался:

— Что ты, — говорит, — как можно! Кольцо дорогое. Разрубишь вещь — испортишь! А задыхается он оттого, что здесь простых людей много, воздух плохой. Пусть на сопочке посидит.

Сидит Акимка на сопочке, хрипит.

Шаман сам чуть не плачет — жалко сына. А еще больше ему жалко кольцо золотое испортить.

Вот приходит к нему кузнец, говорит шаману:

— Ну, кто из нас глупый?

— Ты, ты глупый! — кричит шаман.

— Ну, коли ты такой умный, отгадай загадку: что такое горшок без дна?

Подумал шаман:

— Это, — говорит, — разве загадка? Горшок без дна — это прорубь! Прорубь!

А кузнец и говорит ему:

— Не прорубь, не угадал. Горшок без дна — это жадность твоя! Что ни брось в него, все пустой. И сын твой в этом горшке утонет, пропадет. Распили кольцо!

— Что ты! — говорит шаман. — Испортишь вещь.

Плюнул кузнец и ушел.

А сын шамана Акимка так и помер с золотым кольцом на шее. И воздух свежий ему не помог.

КАЛЬДУКА-СЫНОК

Жил один старик. Был у него сын по имени Уленда. Всем он удался: и речист, и плечист, и силён, и красив. Только работать Уленда не любил. Как ни заставлял его отец охотиться, или рыбу ловить, или оленей пасти — ничего Уленда делать не хотел.

На охоту пойдет — как мох увидит, так спать заляжет.

Рыбачить его отец погонит — Уленда на берегу сядет, на воду смотреть станет, так без дела и просидит целый день.

Пошлет его отец за оленями смотреть — Уленда на пенек присядет, голову задерет, начнет на небе облака считать, все олени и разбредутся.

И выходило, что на старости лет отцу приходилось и себе и сыну еду промышлять.

Обидно старику стало. Все сыновья своих отцов кормят, уважают, а Уленда на шее у отца сидит.

Пошел старик к зангину — судье, просит:

— Помоги, мудрый зангин! Не могу я больше взрослого сына кормить. Силы нет. Посоветуй, как быть.

Думал, думал зангин. Долго думал. Сто трубок табаку выкурил, пока думал. Потом говорит:

— Ленивый сын хуже камня на шее. С сырой тетивой лук не выстрелит. Надо тетиву сменить. Другого сына тебе надо.

Заохал старик:

— Стар я стал. Где мне сына взять?

Тут зангин сказал старику:

— Пойди завтра в тайгу. Увидишь железную березу, что между двух ильмов¹ растет, сруби ее. На той березе твой младший сын на качелях качается. Вырасти его, будет тебе помощник.

Вот пошел в тайгу старик. Видит — верно, меж двух ильмов березка молодая. Стал старик рубить березку. Раз ударил. Два раза ударил. Поломал топор, а на стволе даже зазубрины нет. Устал старик. Лег отдохнуть и заснул. Видит сон: подошел к нему медведь и говорит:

— Направо в распадке две речки текут: в одной вода красная, в другой вода белая. Набери красной воды в чумашку, сбрызни березку...

Проснулся старик. Пошел искать речки. Пока через бурелом продирался, всю одежду в клочья изорвал: и халат, и накидку, и штаны, и унты.

В распадок спустился — верно, речки текут.

Набрал старик воды. Пошел обратно. До березки добрался, сбрызнул березку красной водой. А рубить нечем — топор сломан. Стал старик березку ножом подрезать.

Только сделал он один надрез, покачнулась березка и упала.

Видит старик: в том месте, где ствол раздваивается, висит колыбелька малая. А в колыбельке ребенок. Лицо широкое, как луна; глаза черные, как бусинки. Мальчик, ростом не больше костяной иголки. Говорит старик:

¹ И л ь м — дерево из породы вязовых. На поваленном ильме вырастают грибы — ильмовики.

— О-о-ой! Сколько же мне теперь ждать придется, пока мой младший сын подрастет да меня кормить будет?

А березовый мальчишка ему в ответ:

— Поживем — увидим, отец!

Перекинул старик люльку с сыном через плечо и пошел домой.

Идет, идет... Что такое? Люлька с каждым шагом все тяжелее да тяжелее становится. Пока до стойбища дошел, стала люлька такой тяжелой, что опустил ее старик на землю — не донести одному! Глядит — люлька большая-большая стала. И мальчик вырос. Из люльки вылез, говорит:

— Спасибо, отец, что на ноги меня поставил!

Пошли они вместе.

Назвал младшего сына старик Кальдукой.

Стали жить они.

Вырос Кальдука-сынок. Догнал Уленду. Работает за двоих. Все делает. Сильный да ловкий. Начнет на палках с кем-нибудь драться, те и оглянуться не успеют, как с пустыми руками окажутся. И стадо у него вдвое увеличилось, и юколы много стало, и пушнины дома завелось столько, что и на продажу и себе хватало.

А Уленда какой был, такой и остался.

Держал старик орлов. Одного с красным клювом, другого с черным. Каждую осень брал он у орлов хвосты. До сих пор хвост красного орла старик Уленде отдавал. А как появился у старика новый сынок, отец стал отдавать хвост красного орла Кальдуке. Говорит:

— Кальдука меня кормит — значит, он старший!

Промолчал Уленда. Обиду перетерпел. А на младшего брата злобу затаил. И все обдумывал, как Кальдуке отомстить, как ему худо сделать.

Стал он у младшего брата из капканов добычу таскать. Стал удочки у Кальдуки воровать.

Пошел Кальдука к зангину:

— Найди вора, мудрец!

Зангин отвечает:

— Своего вора разве найдешь? Пусть будет так, как закон велит. Пусть у вора лицо кривое станет. Тогда ты сам его найдешь.

Пошел Кальдука домой. А Уленда в угол забился, тряпкой лицо обвязал.

— Что с тобой? — спрашивает Кальдука.

— Ничего, — говорит Уленда. — Зубы болят.

Тут налетел откуда-то ветер, повязку с лица Уленды сорвал. Все увидели, что он вор. Стали называть его Уленда-кривой.

С тех пор старший брат день и ночь думал о том, как Кальдуку извести, погубить. Но пока отец был жив, ничего Уленда сделать не мог.

Много времени прошло. Умер старик. Его все любили и потому очень грустили. Даже тигр пришел на похороны, поплакать о старике. Это было очень давно: тогда тигры людей не боялись. Сломал зангин копье-гиду над стариком, в разные стороны бросил, чтобы душа охотника с телом рассталась. Похоронили старика.

Вот однажды Уленда говорит Кальдуке:

— Поедем, брат, на остров: сараны¹ наберем, сладких корешков поедем.

Кальдука согласился. Поехали они в оморочке. К острову подъехали. Младший брат пошел сарану собирать. Далеко от берега отошел. А Уленда уехал и бросил брата на острове:

— Пусть его птица Кóри съест!

А в те времена на Хехцире² жила птица Кори. Большая, как туча. Каждый раз, как солнце заходило, Кори вылетала из своего гнезда и закрывала своими крыльями небо так, что совсем темно становилось. Заблудившихся путников она съедала, тем и жила.

Походил, походил Кальдука по острову, на берег вер-

¹ Сарана — дальневосточная лилия — растение со сладкими съедобными корнями.

² Хехцир — горная гряда под Хабаровском.

нулся — Уленды нет. Покричал Кальдука, позвал брата, а тот не отзывается. Поел Кальдука сладких корешков сараны и лег спать. Думает: «Днем посмотрю, что сделать можно».

Закатилось солнце. Птица Кори из-за Хехцира поднялась. Небо заслонила. Совсем темно стало. Летит птица, шумит крыльями, будто сильный дождь идет. Свистит воздух, будто от сильного ветра. Проснулся Кальдука. Испугался. Схватился за лук. А птица Кори уж над ним, клювом щелкает. Глаза, будто два костра, горят. Выстрелил Кальдука. Только зря: железные перья на птице. Схватила птица Кальдука когтями, говорит:

— Загадай мне три загадки. Если я отгадаю их, тебе смерть. Если не отгадаю, домой тебя отнесу.

Кальдука согласился. Вот он загадал в первый раз:

— Что, что, что такое: на скале лягушка сидит, прыгнуть не может?

Не могла Кори отгадать, что это такое. Засмеялся Кальдука, говорит:

— Это нос на лице!

Загадал он вторую загадку:

— Что, что, что такое: по две стороны утеса две парусные лодки идут, а встретиться не могут?

И опять Кори не угадала.

— Это уши! — говорит ей Кальдука.

И третью загадку задает:

— Что, что, что такое: из одного места вышел, куда хотел — пришел, а как шел — не отвечает?

И третью загадку Кори отгадать не могла.

— Это стрела! — говорит ей Кальдука.

Схватила тут птица Кальдуку, подняла в воздух и полетела. У родной фанзы опустила на землю. Пришел Кальдука домой. Уленда побледнел, от страха трясется, говорит:

— Меня от острова ветер унес. Такая буря поднялась на Амуре, что я не мог справиться...

Смолчал Кальдука.

Стали братья дальше жить. Кальдука промышляет, а кривой Уленда на боку лежит. И злоба его не утихает. Думал он, думал и говорит Кальдуке:

— Соскучился я по нашему отцу. От людей я слышал, что если мертвецу помазать губы слюной змеи Симу¹, он оживет. Вот хорошо бы нашего отца оживить!

Спрашивает Кальдука брата:

— Где та змея? Как ее найти?

— В верховьях Хóра, — отвечает Уленда.

Оседлал Кальдука-сынóк оленя. Долго ехал. За это время на поваленном ильме тридцать раз грибы выросли. До-ехал наконец Кальдука. Оленя на берегу реки оставил. Тот сразу в дерево обратился.

Пошел Кальдука в стойбище. Видит — тоже óрочи¹ живут, только печальные очень. Спросил Кальдука, почему печалются они. Ему ответили, что змея Симу пожирает людей из их стойбища и что спасенья от нее нет.

— Как же так? — говорит Кальдука. — Неужели никто из ваших мужчин не может убить змею?

— Пробовали, — отвечают ему, — но только, как змея дохнёт огнем, так руки у людей и отсыхают...

Подумал Кальдука.

— Попробую и я, — говорит, — может быть, у меня руки и не отсохнут.

Отточил он гиду, направил нож, взял в стойбище котел чугунный и пошел в лес, где змея Симу жила. Мохом обвязался. В котел древесной смолы набрал. В речку окунулся, весь мокрый стал. Принялся он о котел копьём стучать. Шум большой поднял.

Змея услышала шум, выползла из своей норы. Ползет, шипит. За змеей красный след остается: трава и камни горят.

Увидела змея Кальдуку, дохнула на него пламенем.

¹ Орочи — одно из названий удэгейцев.

А мокрый мох защитил его от огня. Размахнулся Кальдука и бросил котел со смолой прямо в пасть змее. Растопилась смола, залила змею глотку и живот. Забилась змея и издохла. Белая пена показалась у нее изо рта вместо пламени. Набрал Кальдука-сынوك этой пены и пошел обратно.

Вдруг слышит — трещат деревья. Дымится тайга, звери бегут оттуда, и птицы стаями прочь полетели. Говорят Кальдуке орочи:

— Беда! Ты убил Симу. Теперь ее брат тебе мстить идет. Беда!

— Ничего! — говорит Кальдука-сынук. — Обойдется.

Взял он семь чугунных котлов. Один другим накрыл. Сам вниз залез. Налетел брат Симу. Все трясется вокруг, земля дрожит, с неба щепки сыплются.

Увидал он котлы, кинулся на них да как ударит!.. Шесть котлов головой пробил, а седьмого не одолел: разбил себе голову. Зашипел и пополз в тайгу умирать.

Вылез Кальдука из-под котлов. Окружили его орочи. Радуются. В свой род приглашают. Девушки посматривают на него. Говорят ему старики:

— Живи с нами!

— Нет, мне домой надо, — торопится Кальдука.

Понравилась ему в этом стойбище одна девушка. Пошел он с нею гулять. До берега реки дошли. На дерево сели. Говорит девушке Кальдука:

— Будь женой моей, девушка, поедem со мной!

А она ему отвечает:

— Я из своего стойбища не уеду. Оставайся ты.

Тут Кальдука хлопнул дерево по стволу, превратилось оно в оленя. Полетел олень в родное стойбище Кальдуки.

А Уленда дома песни поет: думает — погиб Кальдука. А Кальдука тут как тут, да еще с женой. Пуще прежнего озлился Уленда-кривой на брата. Думает про себя: «Убью Кальдуку и жену его заберу себе».

Пошел Кальдука-сынук к зангину-судье. Рассказал все. Сказал, что принес слюну змеи Симу, чтобы отца оживить,

как того Уленда-кривой хотел. Говорит зангин, одну трубку выкурив:

— Ты, березовый мальчишка, не знаешь, что люди по два раза не рождаются. Зачем старика тревожить? Не за тем тебя Уленда посылал, а за смертью!

Взял зангин слюну змеи и бросил в реку. Забурлила река, зашипела, белый пар пошел от воды. Множество рыбы всплыло мертвой.

— Вот, видишь! — говорит зангин. — Этой слюной убил бы тебя Уленда.

Потом посмотрел на Уленду-кривого старый зангин:

— Иди ты, Уленда, в тайгу! Не место тебе среди людей жить. Не любишь ты их... Иди в тайгу! Там в одиночку лесные люди живут. Будь тем, кто ты есть в душе.

И пошел Уленда в тайгу. Пока шел, шерсть выросла на нем. Сначала на двух ногах Уленда шагал, потом на четырех побежал. Медведем стал Уленда-кривой.

А Кальдука с женой хорошо зажил. Детей у него было много. И всегда во всем у него удача была.

Давно это было. Столько лет назад, что если по пальцам считать, то во всем стойбище у стариков столько пальцев не найдешь. Надо у ребят занимать. А ребята бегают, не даются. Вот и попробуй узнать, когда это было.

МЕДВЕДЬ-ОЛЕНЕВОД

Паслось однажды стадо оленей. Напал на стадо тигр. Отбил несколько оленей и погнался. Одного оленя он растерзал, а другие от страха убежали, да так далеко, что к стаду не могли дорогу найти. И стали сами по себе пас-тись.

Повстречал этих оленей медведь. Был он уже старый и охотился неудачно. Увидал медведь оленей и подумал: «Вот хорошо! Заберу я оленей. Стану олениководом, как люди бывают. Олени приплод давать будут. Мяса мне на всю жизнь хватит!»

Обрадовался медведь. Согнал оленей вместе, поближе к своей берлоге. Сидит довольный, веселый, присматривает-ся к оленям: которого зарезать.

Олени стали мох искать, головы к земле пригибают. Смотрит медведь: что это они делают? Будто слушают... Встревожился медведь, испугался: может быть, олени слу-шают, не идет ли хозяин?

Подходит медведь к одному оленю, спрашивает:

— Что ты слушаешь?

Не отвечает олень. У другого спрашивает медведь. Олень тоже не отвечает. Смешно ему: захотел медведь оленеводом стать, а не знает, что олени едят.

Бегал, бегал медведь от одного оленя к другому, запыхался. Сам себе говорит:

— Тяжелая это работа!

Пока олени весь мох не съели, около берлоги паслись. Мох съели — стали дальше отходить. Опять медведя страх взял: совсем могут уйти. Не знал он, что человек за оленями кочует. Стал медведь своих оленей гнать назад к берлоге. Пока одного загонит, другой — голодный — убежит мох искать.

Совсем выбился из сил медведь. Не может оленей обратно повернуть. Пришлось ему за оленями идти. Оглядывается: жалко ему старой берлоги. Но и оленей потерять не хочется.

— Ох, — говорит медведь, — трудное это дело оленеводом быть! Кабы знал, ни за что бы не взялся.

Далеко от берлоги откочевал медведь.

Попались ему навстречу волк и лиса.

— Здравствуй, брат-медведь! Что ты здесь делаешь?

— Да вот, — говорит медведь, — оленеводом стал.

Лиса хвостом завилала.

— Давно пора, — говорит. — Мы с братом-волком тоже оленями обзавелись. Сейчас хорошо живем.

— Замучился я с оленями, — говорит медведь.

— С непривычки, — говорит лиса. — Бедный ты, брат-медведь, трудно тебе!

Разжалобила она медведя. Тот и говорит:

— Помогите мне упасти оленей.

Лиса хитрая была. Для виду задумалась. Сначала отказывалась, будто у самих дела много. Потом говорит:

— Ох, не знаю, как справимся! Очень трудно. Но друг другу помогать надо. Давай твоих оленей. Весной придешь, обратно возьмешь.

Погнали лиса с волком медвежьих оленей в тайгу.

А медведь пустился плясать от радости. Говорит себе:

— Вот обманул я их, дураков! Всю зиму они будут за этими рогаками гоняться. А я весной и летом буду сыт: все мясо мне достанется.

Побежал он в свою берлогу. Залег на всю зиму.

А лиса с волком отогнали стадо подальше. Перерезал волк всех оленей. Целую зиму волк и лиса ели мясо.

Лежит медведь в берлоге, лапу сосет. Во сне видит: ходят олени жирные-жирные, даже сало с них на землю капает. «Ох и поем я мяса весной!» думает косолапый. Чем сильнее у него в животе бурчит от голодухи, тем жирнее олени ему снятся.

Пришла весна. Солнышко снег растопило. Ручьи побежали. Деревья стали почки набирать. Очнулся медведь от спячки, вылез из берлоги. Идет, от слабости шатается. Бока у него ввалились, шерсть клочьями висит, свалаялась.

Приходит медведь к лисе с волком. А они за зиму откормились, гладкие да толстые стали. Выбежала лиса навстречу медведю, суется, словно от радости не знает, куда гостя усадить, безумолку говорит, медведю рта раскрыть не дает. Спрашивает медведь:

— Где мои олени, сестра-лиса?

Запричитала лиса, лапками взмахнула.

— Беда, — говорит, — брат-медведь, с твоими оленями: пропало твое стадо!

— Как пропало? — спрашивает косолапый.

— Убежало! — отвечает лиса.

— Как так убежало? — рассердился медведь.

— А так, — говорит лиса. — Ты сам не мог упasti свое стадо, и мы тоже не сумели!

— Где же ваши-то олени? — спрашивает медведь. Посмотрел вокруг: видит — кости одни валяются.

— И с нашими оленями беда случилась! — опять плачет лиса. — Не уберегли мы и наше стадо. Наших оленей моль съела... Ведь у оленей мех густой...

Почесал медведь в затылке.

— Ничего, — говорит, — не поделаешь, если моль съела. Видно, не быть мне оленеврдом. Никогда больше не буду оленей держать.

С тех пор медведь к оленям и не подходит.

САМЫЙ СИЛЬНЫЙ

Побежали зимой нанайские ребята на лед кататься. Сначала катались, играли.

Потом подрались.

Один мальчик, Наめка, побил другого, Куню. Побил Куню и стал хвастаться:

— Я самый сильный тут. Все должны мне поклониться.

Тут он поскользнулся, упал и разбил себе затылок. Тогда Куня сказал ему:

— Вот, значит, ты не самый сильный, если лед тебя побил. Видишь, кровь идет. Поклонись льду.

Спросил Наめка лед:

— Слушай, лед, есть кто-нибудь сильнее тебя?

Лед говорит ему:

— Солнце сильнее меня. Вот прогреет оно, и я таять стану. Поклонись солнцу.

Пошли мальчики к солнцу. Долго шли. Наконец пришли. Наめка говорит:

— Эй, солнце! Я побил Куню, лед разбил мне затылок,

ты растопишь лед. Ты сильнее нас. Я пришел тебе поклониться...

Подумало, подумало солнце.

— Нет, — говорит, — туча сильнее меня. Закроет она землю, и станет холодно.

Пошли мальчики к туче. Забрались на высокую гору. Вокруг туман, сырость. Пока до тучи добрались, мокрые стали. Говорит Намека туче:

— Слушай, туча! Я сильнее Куни, лед сильнее меня, солнце сильнее льда, ты сильнее солнца. Значит, ты сильнее всех. Хочу тебе поклониться!

Только туча собралась ответить, как поднялся ветер. Подул он и развеял тучу.

Только сейчас было холодно, сыро, ничего в двух шагах не видать. И вдруг стало тепло, светло, и весь Амур от верховьев до лимана видно стало, как на ладони. Закричал Намека ветру:

— Слушай, ветер! Я побил Куню, лед разбил мне затылок, солнце побивает лед, туча побивает солнце, ты разогнал тучу. Значит, ты самый сильный... Вот я кланяюсь тебе!

Поклонился Намека, а Куня спрашивает у ветра:

— А ты гору можешь с места сдвинуть?

Стал ветер дуть. Но сколько он ни надувал щеки, гора стояла как ни в чем не бывало.

— Э-э! — сказал Намека. — Гора, выходит, сильнее ветра.

Поклонились мальчики горе.

— Гора, гора! — сказал Намека. — Ты, что ли, сильнее всех на свете?

Покряхтела гора, подумала.

— Нет, — говорит, — дерево сильнее меня. Оно растет на моей спине и своими корнями разрывает меня.

Поклонился Намека дереву:

— Эй, слушай, дерево! Я побил Куню, лед побил меня, солнце побило лед, туча разбила солнце, ветер побил тучу,

гора победила ветер, ты побиваешь гору. Ты, что ли, сильнее всех?

— Да, я сильнее всех! — сказало дерево.

— Ну, это ты врешь! — сказал в ответ Намека. Взял топор и срубил дерево.

Тут все поклонились Намеке: и гора, и ветер, и туча, и солнце, и лед.

С тех пор и пошло считаться, что человек сильнее всех на свете.

А Й О Г А

В роду Самáров жил один нанец — Ла. Была у него дочка — Айога́. Красивая девочка. Все ее очень любили. И сказал кто-то, что красивее Айоги ни в этом, ни в каком другом стойбище никого нет. Айога загордилась. Стала рассматривать свое лицо. И понравилась сама себе. Смотрит, не может оторваться. Глядит — не наглядится. То в медный таз начищенный смотрится, то на свое отражение в воде.

Совсем стала Айога ленивая. Все любит себя.

Вот однажды говорит ей мать:

— Пойди принеси воды, Айога!

Дочка отвечает:

— Я в воду упаду.

— А ты за куст держись, — говорит ей мать.

— Куст оборвется! — отвечает Айога.

— А ты за крепкий куст возьмишься.

— Руки поцарапаю...

Мать говорит ей тогда:

— Рукавицы надень.

— Изорвутся, — говорит Айога. А сама все в медный таз смотрится, какая она красивая.

— Так зашей рукавицы иголкой.

— Иголка сломается!

— Возьми толстую иголку, — говорит отец.

— Палец уколою! — отвечает дочка.

— Наперсток надень из крепкой ровдуги.

— Наперсток прорвется!

Тут соседская девочка говорит матери Айоги:

— Я схожу за водой, мать.

Пошла и принесла воды.

Замесила мать тесто. Сделала лепешки. На раскаленном очаге испекла. Увидела Айога лепешки, кричит:

— Дай мне лепешку, мать!

— Горячая она. Руки обожжешь, — отвечает мать.

— Я рукавицы надену, — говорит Айога.

— Рукавицы мокрые.

— Я их на солнце высушу.

— Покоробятся они, — отвечает мать.

— Я их мялкой разомну.

— Руки заболят, — отвечает мать. — Зачем тебе трудиться, красоту свою портить? Лучше я лепешку той девочке отдам, которая рук своих не жалеет.

Взяла мать лепешку и отдала соседской девочке. Рассердилась Айога. Пошла за дверь, на реку. Смотрит на свое отражение в воде. А соседская девочка жует лепешку. Ста-ла Айога на девочку оглядываться. Шея у нее вытяну-лась — длинная стала. Говорит девочка Айоге:

— Возьми лепешку. Мне не жалко!

Совсем разозлилась Айога. Зашипела. Замахала руками, пальцы растопырила, побелела вся от злости — так замахала, что руки у нее в крылья превратились.

— Не надо мне ничего-го-го! — кричит.

Не удержалась на берегу, бултыхнулась Айога в воду и превратилась в гуся. Плавает и кричит:

— Ах, какая я красивая! Го-го-го! Ах, какая я красивая!..

Плавала, плавала, пока по-нанайски говорить не разучилась. Все слова забыла.

Только имя свое не забыла, чтобы с кем-нибудь ее, красавицу, не спутали, и кричит, чуть людей завидит:

— Ай-ога-га-га! Ай-ога-га-га!

КАК ЗВЕРИ НОГАМИ МЕНЯЛИСЬ

Повстречались однажды лисица и лось.

— Что нового? — спрашивает лиса у лося.

— Ничего нового, двоюродная сестра, — отвечает лось. — Вчера чуть не пропал. Гнал за мной охотник, а я запутался рогами в ветках... Беда мне на длинных ногах — за ветки задеваю. А ты как живешь? — спрашивает лось лисицу.

— И я тоже плохо, брат двоюродный! — говорит лиса. — Подстерегают меня охотники. Беда мне с короткими ногами — не могу сверху вокруг посмотреть!

Загрустили звери, какая у них плохая жизнь и как плохо все на свете устроено: кому нужны длинные ноги — у того короткие, кому короткие нужны — у того длинные.

Вот лиса и говорит:

— Давай, двоюродный брат, ногами меняться.

— Давай! — отвечает лось.

Вот поменялись они ногами.

Посмотрела лиса вокруг: людей не видно. Побежала в

стойбище, захотелось ей курятины. Попробовала лиса залезть в амбар, где куры на насесте сидели. А ноги длинные, мешают. Сунула ногу в щель, чтобы курицу сцапать. А лосиная нога в копыте, никак ею не зацепишь. Вздохнула лиса и пожалела о своих ногах: какие у нее были когти острые, как хорошо было ими добычу держать и разрывать! Тут услышала она, что из фанзы человек вышел, бросилась бежать. Так и ушла голодная.

А лось получил ноги лисицы и стал ростом маленький. Совсем в траве спрятался. Обрадовался.

— Ну, теперь, — говорит, — мне хорошо будет. Никто меня издалека не увидит!

Стал он потихоньку на лисьих ножках двигаться. Устал быстро. Устал и проголодался. По привычке голову поднял, чтобы молодыми нежными ветками деревьев да листьями свежими голод утолить. Губами шлепает, а веток достать не может: ноги-то короткие!

Вздохнул лось:

— Напрасно обменялся я ногами. Такие хорошие ноги у меня были: высокие да крепкие! Не то что эти дрянные лапки! Пропаду я теперь с голода...

И заплакал лось.

И вдруг слышит он, кто-то по тайге летит. Сучья трещат... Кинулся лось бежать. Но куда ему на маленьких лисьих лапках! Запнулся он за валежник. Упал и глаза закрыл. «Ну, — думает, — сейчас мне конец будет!»

Однако слышит, что зовет его лисица:

— Двоюродный брат! Где ты?

— Здесь я! — говорит лось. — Это ты, что ли, в лесу шумела?

— Я, — говорит лиса. — Беда мне с твоими ногами, Я хотела тихо пройти, а они ломают сучки, стучат, топают...

— И мне, — говорит лось, — беда с твоими ногами — маленькие они, слабые. Давай, сестра, опять меняться.

Вот обменялись они снова. Топнул лось своими копытами: хорошо!

— Здорово это, — говорит, — на свете устроено, что лось на копытах ходит.

Пробежалась лисица: хорошо! Лапки легкие, когти острые, походка неслышная. Отвечает лисица:

— Да, правда! Хорошо это придумано, что у лисы маленькие лапки с острыми когтями.

Попрощались они и в разные стороны разошлись.

С тех пор звери ногами не меняются.

САМЫЙ БЫСТРОНОГИЙ

Поспорили однажды звери, кто быстрее всех бегаёт.

Волк говорит:

— Я всех быстрее. Как побегу — только кустарник в глазах мелькает да ветер свистит.

Медведь говорит:

— Нет, однако, я самый быстрый! Как побегу — деревья трещат, сучья в стороны разлетаются.

Лиса послушала их и говорит:

— Наверно, я быстрее всех вас бегаю. Как побегу — даже лап своих не вижу!

Тогда заяц обиделся и говорит:

— Что вы спорите? Быстрее всех я! Как побегу — ничего не вижу и не слышу. Вот как быстро!

Долго спорили они. Наконец решили бежать наперегонки. Выстроились в один ряд и побежали.

Заяц добежал до условленного места и назад поскакал.

Быстро вернулся на то место, где звери спорили.

Сидит, ждёт.

Волк лишь к вечеру вернулся, лисица — ночью. Медведь только на другой день прибежал.

Собрались все они вместе опять, решили: «Заяц самый расторопный из нас, самый быстроногий».

И домой пошли.

Стал от радости заяц кувыряться. Кувырывается и поет:

— Я самый быстроногий!.. Вот какой я!..

Увидела это мышь. Позавидовала зайцу.

Подошла к нему. Поздоровалась. Говорит:

— А ведь неправильно тебя самым быстроногим называли.

— Мы наперегонки бегали, — ответил заяц. — Я победил!

— Напрасно вы меня не пригласили, — сказала мышь.

— Ну, давай поспорим! — сказал заяц. — Давай победим!

Побежали они взапуски. Условились у одной сопки повернуть назад.

Мышь отбежала немного, под кочку присела и схоронилась. Сразу из виду исчезла. А заяц летит, ничего не видит, ничего не слышит. Торопится. До холма добежал, обратно повернул. Бежит что есть силы.

Мышь из-под кочки вылезла. Села на пригорке. Обмахивается лапками.

— В такой жаркий день, — говорит, — плохо бегать.

Удивился заяц: неужели мышь его обогнала?

— Давай еще раз победим! — сказал он мышке.

Побежали они опять вперегонки. Мышь — под кочку, а заяц — до холма.

Три раза бегали они. Заяц — до холма и обратно, а мышь — до первой кочки.

Прибегает заяц — рот разинул. Едва дышит от усталости. А мышь сидит на пригорке. Смеется над ним, хохочет, лапками показывает.

— Вот так победитель! — говорит. — Мышку обогнать не может!

Долго смеялась мышь над зайцем. Потом говорит:
— Пойду позову зверей, расскажу, как я тебя обогнала!

Стыдно стало зайцу. Прижал он уши и спрятался в траву.

А мышь убежала прочь.

С тех пор заяц всегда уши прижимает к спине, как только шум или шорох заслышит: думает, звери идут над ним смеяться.

БЛИЗНЕЦЫ

В одном стойбище у нанайца из рода Бельды родились близнецы. Все жители стойбища очень обрадовались. Когда рождаются близнецы, значит этому роду большое счастье будет. Так говорили старики. Еще говорили они, что близнецов почитать надо. И все близнецов почитали. Хорошо кормили их. Заботились о них. Дали им хорошие имена. Одному — Удога, другому — Чубák.

Вот живут Удога и Чубак. Ростом невелики, а умом взрослых обогнали. Исполнилось им по пяти лет, а они уже на охоту стали ходить. И все им удавалось. Лесные и водяные духи очень любили близнецов и во всем братьям помогали.

Тот год нехороший был. Зверя мало стало. Рыба плохо шла. Старики стали говорить, что надо место менять. Но Удога сказал старикам:

— Чем место плохое?

Натянул он тетиву своего маленького лука, посмотрел вокруг, потом прямо в солнце выстрелил. Улетела стрела.

Потом вернулась, сама Удоге в колчан легла, на старое место. Прилетели за стрелой утки, гуси и у ног Удоги легли. Посмотрели старики: все птицы в глаз ранены. Прикинули: если так каждый день будет, не останется стойбище без мяса.

Тогда Чубак сказал старикам:

— Чем место плохое?

Бросил в реку сетки. Потонули сетки сразу.

«Ну, — думают старики, — водяной чорт сетки утащил!»

Подождали немного. Вдруг забурлила река, закипела. Сунул Чубак руку в воду. Ухватился за что-то и вытащил свою сетку. Сколько было узелков в сетке, столько рыбы вытащил Чубак. Посмотрели старики: если так каждый день будет, не останется стойбище без рыбы.

Спросил тогда Чубак женщин:

— В прошлом году на какой стороне у рыбы икры было больше?

— На левой, — отвечают ему.

— Значит, в этом году рыба под левым берегом идет, — говорит Чубак. — Примечать надо! А вы на правом берегу ловили. Вот и показалось вам, что рыба ушла.

Тогда Удога говорит:

— И птица и зверь за рыбой ходят. Надо было охотничать на другом берегу.

Стали в стойбище очень уважать Удогу и Чубака. Советовались с ними. И все шло хорошо.

Но вскоре опять случилось несчастье. Наехал с чужого берега реки могучий манчжурский нойон — начальник с солдатами, пушками. Требуется дань платить. С каждого человека по соболю, да по выдре, да по лисице.

Запечалились Бельды. Вовек никому дани не платили, а тут надо платить. Против силы не пойдешь! Спросили совета у близнецов.

Посмотрели Удога и Чубак друг на друга. Говорит Удога:

— Дань не платите. Пошлите нас с братом к нойону! Женщины в стойбище плач подняли.

— Как можно? — закричали они. — Нойон — жестокий человек; он обидится, что к нему детей послали, и убьет их. Не послушали их Удога и Чубак, пошли к нойону.

Сидит нойон в большом сампане¹ на широком помосте. Шатер шелковый над ним колышется. Вокруг стража стоит. Палач кривой меч точит. Нойон правую руку на подушку положил. Ногти на руках длинные, до полу, загнулись, перекрутились, в серебряные футляры вставлены. Чистят ему ногти пять девушек. Писец с толстой книгой у ног сидит.

Увидал нойон близнецов, говорит:

— Что здесь нанайским ребятам надо?

Посмотрел писец, поклонился нойону до земли:

— Эти детки прибежали сказать, благородный нойон, что идут нанайские старики, несут дань, которую велели вы с них взять.

Еще пуще заважничал нойон. Нос вверх задрал. В небо смотрит, чтобы нанайцев не видеть. Ждал, ждал... Шея у него заболела, а стариков все нет.

Тогда Чубак говорит нойону:

— Благородный нойон, старики не придут! Бельды дани никому не платили. Им смешно платить. Так, чтобы тебя смехом не обидеть, они не пришли. А мы маленькие, мы ничего не понимаем. Вот подарки тебе, благородный нойон!

Высыпал Удога из кисета горсть амурской земли:

— Прими, нойон, горсть земли, если тебе своей мало.

Вынул Чубак из чумашки глаз совы:

— Прими, нойон, глаз совы. Тогда ты и ночью сможешь увидеть, что на Амуре храбрые люди живут.

Вытащил Удога перо из хвоста орла с красным клювом:

— Прими, нойон, пожелание, чтобы жил ты столько лет, сколько орел, и чтобы тебя, как орла, все боялись.

Высыпал из чумашки Чубак горсть золы:

¹ Сампан — плоскодонная парусная лодка.

— Прими, нойон, золу. Пусть обратятся в золу все твои враги.

Удивился нойон тому, как разговаривают маленькие на-найцы. Испугался: если дети такие, то какие же старики, — ведь старики мудрость жизни знают. Но виду не показал, закричал:

— Завтра я пошлю солдат к Бельды и предам огню всех мертвых, а живых сделаю мертвыми!

Поклонился ему Удога:

— Твоя воля, благородный нойон, только завтра тебе удачи не будет. Лучше сегодня сделай, как сказал!

Не послушался нойон.

А назавтра полил такой дождь, что берега исчезли из виду. Раскисли все дороги. Пошли солдаты нойона да чуть в грязи не утонули; порох весь отсырел — пушки не стреляют. Возвратились они назад.

Говорит Удога:

— Солнце в тучу вчера садилось. К ливню!

Прошла непогода. Небо усеялось звездами. Говорит нойон близнецам:

— Ну, завтра поплыву к стойбищу, всех Бельды уничтожу. Всех живых мертвыми сделаю, мертвых в землю превращу.

Поклонился ему Чубак:

— Твоя воля, благородный нойон, только завтра тебе удачи не будет. Лучше сегодня сделай, как сказал!

Не послушался нойон. С утра велел поднять паруса на всех лодках — плыть к стойбищу Бельды. А тут вдруг черное облако с белым венцом налетело с запада, и поднялась такая буря, какой никогда в жизни не приходилось нойону видеть. Заплескался Амур. Волны до неба поднимаются, облака до земли спустились. Ветер дунул один раз — все паруса порвал, дунул второй раз — все весла и мачты поломал. Едва-едва лодки целы остались.

Говорит Чубак:

— Вечером звезды сильно мерцали. К буре!

Сидит нойон сердитый. Халатом закрылся. Ни на кого смотреть не хочет. Подошли к нему близнецы и говорят:

— Благородный нойон, до сих пор мы тебе говорили. Теперь ты нам скажи: вот ты видел, что мы свою землю знаем и не зря с нее дань собираем. Как же ты хочешь дань собирать с земли, которой ты не знаешь?

Поблелнел нойон. Думает: «Не справиться мне с родом, у которого даже мальчишки такие умные».

Поехал он назад, домой. А сборщикам своим и солдатам своим не велел род Бельды трогать.

...Было это очень давно. Тогда на берегах Амура еще два солнца светили, белка к зайцу в гости ходила, медведь оленей пас, а волк еще шкуру выбирал у хозяина тайги.

СОДЕРЖАНИЕ

Майла	3
Глупый богач	12
Как медведь и бурундук дружить перестали .	16
Мальчик Чокчó	20
Лиса и медведь	28
Золотое кольцо	32
Кальдука-сынок	35
Медведь-оленовод	44
Самый сильный	48
Айогá	52
Как звери ногами менялись	55
Самый быстроногий	58
Близнецы	61

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой
книге присылать по адресу: Москва, Ма-
лый Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

Для младшего возраста

Ответственные редакторы В. Гакина и Л. Гульбинская. Художественный ре-
дактор П. Суворов. Технические редакторы М. Голубева и В. Артамонов.
Подписано к печати 13/VII 1946 г. 4¼ п. л. (3 уч.-изд. л.). 30 500 экз. б. л.
Тираж 45 000 экз. А01650. Заказ № 2673. Цена 2 руб.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушевский вал. 49.

1966. 1969

1

4189

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА НАУКИ И
ДЕТГИЗА~~

400=

К

Цена 2 руб.